

Посвящается Джордану

Я представляю, как моя гнилостная чернота
разливается по ее телу, пульсирует в венах,
заполняет каждую клеточку. Как же хочется
вытащить свое ядовитое жало из ее невинной плоти!

Рейчел Каск. Дело жизни: о материнстве

Сейчас

1

На столике у окна стоит ваза с фруктами, в которой, по странному стечению обстоятельств, оказались и керамические плоды. Блестящие фарфоровые груши сорта «вилльямс» лежат вперемешку с тускло-зелеными, в коричневую крапинку, словом, такими несовершенными, что никак не спутать с искусственными. Так и хочется отделить их друг от друга, чтобы только взять под контроль хоть что-нибудь в своей жизни. Я уже тянусь к вазе, как вдруг распахивается дверь. В комнату входит жизнерадостная девушка и бодро сообщает:

— Меня зовут Келли. Моя хорошая, мы обязаны забрать у вас шнурки. Такие здесь порядки.

— Пожалуйста.

Я снимаю ботинки и отдаю ей шнурки. Ничего страшного, это будет маленькая уступка в обмен на большую победу. Все равно я выберусь отсюда.

— Мы уже изъяли у вас все острое, — добавляет она.

— Острое?

— Ну да, мы забираем колюще-режущие предметы, милая. Всякие там бритвы, пилочки для ногтей. У вас, впрочем, почти ничего не было. Только карандаш.

— Чем же я теперь буду писать? — спрашиваю я, хотя, по правде говоря, мне и писать-то нечего. К тому же правая рука еще перевязана, а порезы ноют так, что я едва смогла бы нацарапать хоть одно слово, даже «ПОМОГИТЕ».

Как бы там ни было, я согласилась остаться здесь на две ночи. Выбора у меня, впрочем, особо не было.

— В гостиной есть все необходимое, там очень мило и уютно, горит камин. И тихо: мамочек с младенцами переселили в другое крыло, так что вас никто не потревожит.

Келли бросает на меня выразительный взгляд, словно хочет напомнить, что моя дочка Луна, появившаяся на свет три дня назад, на тридцатой неделе, в самый канун Рождества, лежит сейчас в отделении интенсивной терапии для новорожденных в одной из лондонских больниц. Там за ней присматривают самые лучшие специалисты. Она в надежных руках. А вот кто действительно в опасности, так это Стелла.

Келли скользит взглядом по комнате — может, проверяет, заметила ли я вазу с фруктами? Вдруг это своего рода тест: если я не притронуся к ним, она решит, что я потеряла связь с реальностью. А если начну их сортировать, подумает, что у меня маниакальная страсть к гиперконтролю.

Пит часто говорит, что тревога — мое естественное состояние, что я вечно ищу повод для беспокойства. Возможно, он прав — меня слишком сильно волнует, что обо мне подумают. Я заставляю себя глубоко вдохнуть

и медленно выдыхаю. Отвожу взгляд от вазы и натягиваю на лицо широкую улыбку.

— Что дальше?

— Переоденьтесь. Я подожду снаружи, — говорит она и выходит, закрыв за собой дверь.

Я остаюсь одна. На кровати аккуратно разложены белоснежная футболка с длинными рукавами и белые спортивные штаны на флисовой подкладке. Здесь у них своя униформа.

Обстановка напоминает уютный дорогой отель: дубовые балки под потолком, удобное кресло и большая кровать с безупречно выглаженными хлопковыми простынями и горой декоративных подушек. На стене напротив окна висит натюрморт: блеклые очертания бутылок и банок на темном фоне. Пустые сосуды. Может, с них-то нам, матерям, и стоит брать пример?

Кто-то уже разобрал вещи из сумки, которую привез Пит. В ванной лежат зубная щетка и раствор для контактных линз, а на столике у окна — молокоотсос, подключенный к сети и готовый к работе. В ящиках комода сложено мое нижнее белье, но другой одежды не видно — неужели Пит забыл про нее?

Ты должна выиграть эту войну, напоминаю я себе. К тому же телефон при мне, так что я не совсем безоружна. Я переодеваюсь в одежду, которую подготовила Келли, и иду в ванную. Там стоит плетеная корзинка с кусочками мыла в красивой обертке. Быстро меняю прокладку. Не заляпать бы кровью светлые штаны!

Возвращается Келли и забирает мою прежнюю одежду. Обещает, что скоро принесут обед, и предлагает присесть и немного отдохнуть. Когда она уходит, я подхожу к окну и смотрю на безмятежный зимний пейзаж: голые деревья, холмы, на которых пасутся овечки. Пит не поскупился, чтобы меня сюда устроить, нужно отдать ему должное. Я обещала ему расслабиться, но не могу. Не могу достать душистое мыло с запахом лаванды и герани и окунуться в горячую ванну. Я обнимаю себя за плечи и начинаю медленно покачиваться взад-вперед.

Стук в дверь — и снова заходит Келли. Она даже не стала дожидаться моего ответа.

— Чуть не забыла, — говорит она и протягивает руку. Я смотрю на нее, гадая, уж не намек ли это на чаевые. — Ваш телефон, — уточняет она. — По нашим наблюдениям, гостям гораздо проще расслабиться, если не приходится отвлекаться на телефон.

— Он мне нужен.

— Вы сможете пользоваться им, когда захотите, — добавляет Келли, но я качаю головой и лишь крепче сжимаю мобильник в руках. Она что-то бормочет о необходимости согласовать это с руководством, но спорить не решается.

Когда Келли уходит, я снова поворачиваюсь к окну. Меня пугает мысль, что Пит не осознает, в какой опасности находится Стелла. Я обещала остаться, но обещание можно нарушить. До Лондона всего пара часов, и, хотя у меня нет ни пальто, ни шарфов, телефон по-прежнему

при мне — а значит, можно вызвать такси. Правда, не факт, что его пропустят на территорию. Да и потом, если о моем замысле узнают, меня наверняка попытаются остановить. И все же я должна вернуться к Стелле.

Она появилась на свет восемь лет назад. Роды были изнурительными, но потом я никак не могла уснуть и все лежала, замороженная ее чудесным запахом — ароматом ванильного пудинга, карамели, жимолости. Это запах чего-то большего, чем человек, думала я, так сладко благоухает незримая сущность самой жизни.

Теперь от нее не веет сладостью. Оглядываясь назад, я понимаю: когда я узнала о том, что случилось с Бланкой, Стелла уже начала меняться.

Тогда

2

Когда мы со Стеллой заметили мою подругу Эмми, ее дочь Лулу уже неслась к морю. Стелла же, напротив, зажала уши руками и застонала:

— Слишком громко.

— Что такое, солнышко? — спросила я.

Эмми в это время расстелила на песке одеяло и осторожно уложила на него свою малышку Мэдлин, а потом аккуратно присела рядом, стараясь не помять подол белого платья в полоску. Стоял дивный августовский день. Над нами раскинулось удивительное темно-синее небо — такое редко когда увидишь. Мне очень хотелось, чтобы девочки порезвились вместе. Но Стелла стиснула голову ладонями и скорчила такую гримасу, словно над нами прогрехотал военный истребитель, хотя вокруг только шумел прибой и кричали чайки.

Эмми, приподняв огромные солнцезащитные очки, с тревогой посмотрела на Стеллу.

— У нее мигрень?

Я покачала головой.

— Нет, наверное, ей просто не нравится шум моря. У нее очень чувствительный слух. — Даже плеск воды в ванной, и тот казался Стелле слишком громким.

Она опустилась на песок и подтянула коленки к груди, пряча лицо в тени широкополой шляпы. Стелла выглядела подавленной. Возможно, она переживала из-за ухода Бланки сильнее, чем я ожидала. Неделью назад Бланка внезапно уволилась. Четыре года она проработала у нас, играла со Стеллой, кормила ее, купала... а потом просто прислала короткое сообщение: «Я не могу больше приходить». Я попыталась выяснить, что случилось, но она просто исчезла из нашей жизни. Оказалось, что моя дочь была для нее лишь работой, от которой можно в два счета избавиться, словно от использованной салфетки.

— Может, ей нужно немного перекусить? — предположила Эмми. — Хочешь кусочек маминого бананового пирога, милая? А еще у меня где-то была морковка.

Стелла покачала головой, не убирая рук от ушей.

— Нет, спасибо.

— Наверное, ей жарковато в этом пляжном костюме, — предположила Эмми, взглянув на меня.

— С нашей-то ирландской кожей лучше не рисковать, — ответила я. Стелла унаследовала мою бледность и темно-рыжий, то ли огненный, то ли шафрановый цвет волос.

Тем временем дочь Эмми, Лулу, попыталась сделать колесо у кромки моря. Ее светлые волосы были заплетены в изящную косу-корону. Себе Эмми тоже сделала косу сбоку — небрежную, по тогдашней моде. Я смотрела видеоуроки по обеим этим прическам, вот только Стелла терпеть не могла, когда я прикасалась к ее волосам. Мне

так хотелось, чтобы она пошла поиграть с Лулу. Через пару дней начинался четвертый класс, а Стелла до сих пор не могла найти себе друзей. Я устроила эту поездку в Кент на исходе лета в надежде, что она сблизится хоть с кем-то из одноклассников, но вместо этого Стелла сидела одна в своем маленьком мирке, погруженная в тишину.

У Лулу наконец получилось идеальное колесо, а потом еще и еще одно! У меня сжалось сердце. Лулу была такой беспечной и свободной. А Стелла... Стелла ни разу в жизни не попыталась сделать колесо. Тут я напонила себе, что зато у многих матерей не получается быстро приучить детей к книгам, а моя дочь может читать часами напролет. Я мягко коснулась ее плеча и, убедившись, что она видит мои губы, сказала:

— Я люблю тебя.

Наши взгляды встретились, но трудно было понять, что у нее на душе.

Эмми приложила малышку к груди и стала кормить, хотя благодаря хитрому скрытому вырезу на платье со стороны ничего не было видно. Даже в этот момент она умудрялась выглядеть элегантно. Она поймала мой взгляд. Я быстро отвернулась и скрестила руки. Моя грудь, скрытая под простой белой футболкой, за последние недели заметно выросла, вот только Эмми не знала, что я беременна. Я надеялась, что в этот раз все получится, но у меня уже случилось несколько выкидышей, и я не спешила делиться радостью, чтобы не сглазить,

все хранила свой маленький секрет. К счастью, живот еще не был заметен.

Эмми положила руку мне на плечо и прошептала:

— Сочувствую всей этой истории с Бланкой. Узнала об этом только утром, иначе бы сразу тебе написала.

Я ответила — тоже шепотом:

— Ничего страшного. Стелле она нравилась, но, честно говоря, бывают няни и получше.

Эмми взглянула на меня с легким укором.

— Теперь это уже не важно, ее ведь больше нет.

— Она переехала? — спросила я, проведя ладонью по затылку. Недавно я подстриглась — сделала себе боб-каре, — и теперь солнце нещадно жгло кожу на шее.

Эмми посмотрела на меня в полном изумлении.

— О Боже, так ты не знаешь? — Она покосилась на Стеллу, которая все еще зажимала уши, потом наклонилась ко мне и прошептала: — Она точно ничего не услышит?

Как знать, подумала я, но тут меня осенило. Я достала из сумочки салфетку, разорвала ее пополам и тщательно свернула каждую половинку — в итоге получилось два крошечных комочка. Я смочила их, отжала лишнюю воду, а затем осторожно убрала руки Стеллы от ушей.

— Та-дам! Беруши! — объявила я, вставила маленькие шарики ей в уши — и ее тело тут же расслабилось. — Иди поиграй.

Стелла с трудом поднялась на ноги и засеменила к Лулу.

— Гениально, — прокомментировала Эмми. Я улыбнулась. Наконец-то появилась возможность нормально поговорить, не отвлекаясь бесконечно на солнцезащитный крем и перекусы. И самое главное — Стелла наконец-то затеяла веселую игру с Лулу.

— Бланка погибла, — сказала Эмми.

Я замотала головой. Море взревело, грозное, оглушительное, беспощадное. Стелла оказалась права: этот шум был невыносим. Губы Эмми продолжали двигаться, но я не могла разобрать слов. Когда рев наконец стих, я уловила суть: произошел какой-то несчастный случай, но подробностей Эмми не знала.

— Но я же видела ее буквально на днях, — сказала я, словно этот факт мог опровергнуть смерть Бланки. — Когда это произошло?

— В четверг, перед самыми выходными. Мне жаль, что ты от меня об этом узнала. И подумать не могла, что ты не в курсе.

— А ты откуда узнала?

— Моя подруга живет с ней на одной улице, — пояснила Эмми. — Она видела, как ее увозили.

Бланка умерла перед самыми выходными, вскоре после того, как ушла от нас. На ум пришел странный вопрос: если бы она продолжила работать у нас, была бы она сейчас жива?

Я закрыла глаза и представила, как Бланка плетется по улице в длинной черной юбке и сером худи. Плечи поникли, словно она несла на себе все тяготы этого мира.

Ей было чуть за тридцать, и лицо еще оставалось по-детски округлым, но двигалась она как старуха.

— Она попала в аварию? — спросила я, чувствуя, как подступает тошнота.

Эмми покачала головой.

— Неизвестно.

— Бедная ее мама, — сказала я. По правде говоря, я никогда не видела ее — Бланка была очень закрытым человеком, — но знала, что они жили вместе. Неужели несчастье случилось у них дома?

— Бланка вроде бы долго работала у вас? Это ужасно, Шарлотта, мне так жаль, — сочувственно произнесла Эмми.

Я кивнула, хотя на самом деле Бланка никогда не была членом нашей семьи. Стелле она нравилась, но мы с Питом не понимали почему. Мы с ним всегда шутили, что, когда нет сливок, и обезжиренное молоко — деликатес. Всяко лучше, чем ничего. Теперь же я корила себя за каждую дурную мысль о ней.

Воздух прорезал истошный крик. Лулу с перекошенным от ужаса лицом бросилась к нам и рухнула на одеяло, захлебываясь слезами. Эмми аккуратно положила младенца и прижала Лулу к себе. Стелла держалась поодаль, что-то пряча за спиной. У меня екнуло сердце.

— Стелла, что там у тебя? — крикнула я. Дочь покачала головой, указывая на беруши в ушах.

— Мы пошли к скалам, — сквозь всхлипы рассказала Лулу. — Стелла говорит: давай я тебе кое-что покажу.

Я смотрю, а там... мертвая... — Рыдания не дали ей договорить.

— Боже мой, — прошептала Эмми, когда Стелла наконец продемонстрировала свою находку: комок костей и перьев какой-то морской птицы. Часть ошметков упала на песок. — Господи! — Она подхватила младенца и отступила на несколько шагов назад, сжимая руку Лулу.

— Убери это! — захныкала Лулу.

— Не бойся, Лулу, — сказала Стелла. — Она тебя не укусит. У нее ведь и головы-то нет!

Лулу уткнулась в бок Эмми.

— Убери эту гадость отсюда! Ей рядом с малышкой не место! Вдруг она заразная?! — распереживалась Эмми, прижимая к себе младенца.

— Хорошо, хорошо. — Пока Эмми успокаивала Лулу, я подошла к Стелле и вынула у нее беруши. Удивительно, но никаких жалоб на рев прибора не последовало — слишком уж Стеллу увлекла находка. — Зачем тебе эта чайка, доченька? — спросила я.

— Это не чайка, а олуша. Я хочу ее рассмотреть. Можно, мамочка? Ну пожалуйста!

Я смягчилась. У Стеллы всегда была эта тяга к исследованиям, и ей даже в голову не пришло, что Лулу может не разделять ее научного интереса.

— Хорошо, но дома, — сказала я. — Положим птицу в багажник. И ты извинишься перед Лулу.

К счастью, в моей сумке завалялся запасной пакет. Я помогла Стелле запихнуть туда олушу и вернулась

с дочкой к одеялу, где Эмми утешала Лулу кусочком бананового пирога.

— Мне жаль, что ты испугалась, Лулу, — сказала Стелла, опустив голову. Лулу шмыгнула и продолжила есть. Никто не предложил Стелле бананового пирога, хотя испекла его я — на миндальной муке, потому что, по словам Эмми, у Лулу была аллергия на глютен.

Эмми бросила на Стеллу настороженный взгляд, и меня пронзила догадка, что она вспомнила о том, что случилось на восьмилетие моей дочери. Мои щеки вспыхнули.

Да уж, с такой бледной кожей, как у нас с дочкой, под солнцем совсем не погуляешь.

Стелла настояла на том, чтобы пакет с птицей по дороге домой лежал у нее на коленях, и у меня не хватило сил с ней спорить. Когда я тронулась в сторону Лондона, сердце опять защемило. Она так отличалась от сверстников. Любила взрослые книжки — скажем, могла перед сном прочесть несколько страниц из сочинения «Птичий полет как основа для воздухоплавания» Отто Лилиенталя. Неудивительно, что ей сложно социализироваться. Но куда тяжелее мне было от мысли, что Стелла пока еще не осознает пропасти, отделяющей ее от других детей.

Стелла что-то бормотала себе под нос, но шум авто-страды мешал расслышать слова. Я оглянулась. Окно с ее стороны было открыто настежь, ветер врвался в салон

и развевал ее волосы. Снова и снова она повторяла одни и те же слова, как молитву.

Меня чуть не подрезала чья-то машина, я ударила по тормозам и поспешно свернула на обочину. И только там, пытаясь оправиться от шока, разобрала слова, доносившиеся с заднего сиденья. «Бедная Бланка. Бедная Бланка. Бедная Бланка».

— Почему ты так говоришь, милая? — потрясенно спросила я. Она ведь не слышала, как Эмми рассказывала мне про Бланку. Не могла знать, что той больше нет. Почему же тогда вспомнила о ней именно сейчас? Когда я сообщила, что Бланка больше не придет к нам, Стеллу накрыла паническая атака, но с тех пор она больше о ней не заговаривала.

Стелла терпеливо взглянула на меня.

— Я говорила «бедная мама», потому что подумала, что тебе не понравилось на пляже.

Ну конечно! Я просто ослышалась. Разумеется, она не знала, что Бланка умерла. Пусть так будет и дальше, решила я. Лучше оградить ее от этой страшной новости — с ее-то ранимостью.

Пит снова допоздна задержался на работе. Он трудился в Mucoship, компании, которая производила упаковочный пенопласт из мицелия, корневой системы грибов. Домой он пришел только к десяти, когда Стелла давно уже спала, а я читала в спальне. Я услышала, как он ставит велосипед в гараж, а затем открывает входную дверь.

Сейчас, наверное, пойдет на кухню — достать что-нибудь из морозильника, подумала я. Еду навынос Пит не жаловал — все из-за одноразового пластика.

Я решила дать ему спокойно поесть и только потом рассказывать о Бланке. И тут вспомнила про олушу. Выскочив из постели, я бросилась на кухню, но было уже поздно.

— Господи, что это такое?

Я объяснила ему ситуацию.

— Положить эту мерзость в морозилку рядом с нашей едой?! Ты в своем уме? — только и смог сказать он.

Когда мы познакомились десять лет назад в Калифорнии, Питу было тридцать восемь, но выглядел он куда моложе: голубые глаза, широкие плечи, как у пловца, светлые кудри. Теперь же при свете лампы на его лице отчетливо проступали темные круги под глазами. Я очень переживала, что ему приходится вот так надрываться на работе.

— Я завернула в три пакета, — заверила я. — С твоей овощной лазаньей все в порядке.

Из-за утренней тошноты готовить я не могла, поэтому Пит запасся готовой едой из нашего любимого ресторанчика. Он поставил лазанью в микроволновку и протянул меня к себе.

— Как ты себя чувствуешь, любимая? — спросил он. На втором ребенке настаивала именно я, хотела, чтобы у Стеллы был братик или сестричка, но теперь Пит ждал малыша не меньше и каждый день проверял приложение «Будущий папа».

— Все так же тошнит. — Я перепробовала все: браслеты от укачивания, витамин В6, прометазин, но толку было мало.

Пит кивнул.

— В прошлые беременности ты чувствовала себя прекрасно, а ребенка все равно сохранить не получилось. Так что, может, это как раз хороший знак.

Мы прошли к обеденному столу и сели с одного края. Когда мы купили этот большой эдвардианский дом в престижном Масвелл-Хилле — одном из пяти лучших районов Лондона (по версии The Sunday Times), — то решили убрать бóльшую часть стен на первом этаже, чтобы создать просторное открытое пространство. Сохранили только старинные каминные и лепнину и добавили современную мебель и огромные черно-белые фотографии океанских волн, разбивающихся о берега Северной Калифорнии, где вырос Пит. Стол из дуба мы нашли в старом амбаре, за ним можно было усадить двенадцать человек, если раздвинуть скрытые створки. Мы обожали устраивать веселые посиделки. Уже через несколько дней после знакомства собрали дюжину друзей на крабовую вечеринку: сдвинули столы, застелили их бумагой. Я подавала коктейль «Негрони», пока Пит с трудом запихивал крабов в кастрюлю. Гости с хрустом разламывали клешни и макали мясо в соус велюте, приготовленный мной. Потом мы свернули ковер и танцевали до рассвета.

После рождения Стеллы мы тоже устраивали такие встречи, но все реже и реже. Крабы исчезли из нашего

меня, когда их популяция резко сократилась из-за закисления океана. А после того рокового дня рождения сложно было вообще представить, что в нашем доме однажды снова появятся гости.

Меня все еще мучила мысль о том, что я не пригласила Бланку на ту вечеринку. Я боялась, что она воспримет это как бесплатную работу и почувствует себя не в своей тарелке среди наших друзей, поэтому и не стала ее звать. Но если бы я ее пригласила, что бы изменилось? Была бы Бланка сейчас жива?

Я не могла избавиться от чувства вины.

— Что-то случилось? — спросил Пит, заметив выражение моего лица. Я поняла: медлить больше нельзя.

— Бланка умерла.

Пит побледнел и отодвинул тарелку с лазаньей.

— Ужас. Она же к нам приходила буквально... когда?.. на прошлой неделе? Боже мой.

— Эмми сказала, всему виной несчастный случай, но подробностей она не знает.

— Какой кошмар. Просто не верится. Боже... а Эмми как узнала? — спросил он, а потом задал еще пару вопросов, и я рассказала ему то небольшое, что мне удалось выяснить.

Мы немного помолчали. Потом Пит спросил:

— Ты как, родная? Понимаю, новость шокирующая, но тебе нельзя сейчас волноваться. Дай-ка свои ноги. — Он бережно поднял их, положил себе на колени и начал нежно массировать.

— Что за несчастный случай мог с ней произойти? — размышляла я вслух. — Может, ее сбила машина? — Она всегда переходила дорогу очень медленно, не торопясь, словно так и не привыкла к ритму жизни большого города, хотя переехала в Лондон с матерью еще подростком. До этого они жили в Армении, а еще раньше бежали из какой-то страны с колючим названием, вроде Киргизии или Узбекистана. Годы стерли из моей памяти название ее родины, а переспрашивать я не решалась — любые вопросы, казалось, смущали Бланку.

— А может, всему виной экстрим, — продолжала я. — Хотя Бланка не из тех, кто, скажем, захочет прыгнуть с парашютом. Каждый понедельник я спрашивала, что она делала на выходных, а она всегда отвечала: «Да так, ничего особенного».

Пит нежно сгибал и разгибал пальцы на моей правой ноге.

— Мы пошлем ее матери цветы. Я сам все устрою, тебе ведь нездоровится.

— Ей наверняка сейчас очень тяжело, — сказала я. — Странно, что она не позвонила мне сама.

Пит нахмурился, глядя на меня.

— Ты что-то очень бледная. Ты вообще ела сегодня?

— Да, рисовые хлебцы.

— Тебе нужно поесть как следует. — Пит разогрел лазанью и поставил передо мной тарелку. Я улыбнулась, подавляя подступившую тошноту.

— Знаешь, меня тревожит эта одержимость Стеллы птицами, — поделился со мной Пит, нарезая лазанью на аккуратные квадратики. — Уже послезавтра она идет в четвертый класс. Боюсь, ей будет трудно вписаться в коллектив.

Я нахмурилась.

— Мария Кюри, наверное, тоже не особо вписывалась. Если бы Стелла была мальчиком, Эмми не подняла бы столько шума из-за мертвой олуши. А вот когда таким увлекается девочка, ее интерес кажется жутковатым.

Пит посмотрел на меня с сомнением.

— А до этого как все было?

Пришлось признаться, что Лулу в основном играла одна, а Стелла сидела в стороне, зажав уши.

— Это не ее вина, что у нее очень острый слух, — сказала я.

— Но она все равно должна учиться находить общий язык с другими детьми, — заметил Пит. — А нам нужно думать о ее будущем, особенно после... ну, сама понимаешь.

Мы оба невольно вздрогнули, вспомнив злополучный день рождения. Я старалась не смотреть на пятно на деревянном полу кухни, которое Пит оттирал так отчаянно, что оно посветлело на общем фоне и теперь особенно бросалось в глаза.

— И проблема ведь не только в общении с другими детьми, — продолжал он. — Она ненавидит купаться, не переносит громких звуков, а ест только тогда, когда все лежит раздельно. А ее истерики?

Я промолчала. Уж что-что, а эти самые приступы и правда пугали не на шутку. Как-то ночью я решила посмотреть видео других родителей, заснявших истерики своих детей, — просто чтобы почувствовать хоть какую-то поддержку и понимание. Но вместо этого все думала: если они в состоянии включить камеру и записывать происходящее, значит, у них все не так уж и плохо.

Пит сжал мою руку.

— Я просто хочу ей помочь. Я тоже ее люблю. — Он отложил тарелку, достал планшет и открыл какую-то таблицу. — Смотри, я составил список врачей и терапевтов.

— Но ее недавно осматривали, — напомнила я. Здесь, в Великобритании, к врачам обращаются, только если ребенок серьезно заболел, но Пит, как настоящий американец, считал, что дети должны проходить ежегодные осмотры, поэтому ради мира в доме я сводила Стеллу к доктору. — Она здорова как лошадь.

— Физически, — уточнил Пит.

— К ее потребностям не так уж трудно приноравливаться, — ответила я. — И лучше уж я под них подстроюсь, чем поведу ее к врачу, который навесит какой-нибудь ярлык, и еще не факт, что правильный. Ты подумал, как на нее это повлияет? Нельзя допустить, чтобы она решила, будто с ней что-то не так.

Пит снова заглянул в свою таблицу, подбирая подходящий контраргумент, а я добавила:

— Я только на прошлой неделе ушла с работы. Теперь у меня будет больше времени на Стеллу, и ей это

поможет. Я уверена, что справлюсь куда лучше любого врача. Если вдруг ей станет хуже, — хотя уверена, что этого не случится, добавила я про себя, — обещаю, мы ее обследуем.

Пит вертел в руках очки, а я лихорадочно думала, как бы сменить тему. Обычно стоило лишь заикнуться о Брекзите, и он сразу увлекался, попутно негодуя, почему Борис Джонсон никак не удосужится причесаться. Но сегодня это вряд ли подействовало бы.

— В голове не укладывается, что Бланка умерла, — сказала я, чувствуя укол вины за то, что выбрала именно такой способ повернуть беседу в другое русло.

Взгляд Пита наполнился состраданием.

— Наверное, для тебя это большой удар. Ведь со смерти мамы прошло еще так мало времени.

— Я расстроена из-за Бланки, — ответила я. — Дело не в маме.

Моя мать Эдит умерла полгода назад от инсульта: ночью, в своем старом викторианском доме в Оксфорде. Она ушла тихо, без лишних прощаний — так, как и хотела. Мы были с ней слишком разными. Я думала, что однажды скорбь обрушится на меня волной, но этого так и не случилось. Когда Пит потерял отца, горе сильно его подкосило. У меня же все сложилось иначе. Иногда я вздрагиваю, будто что-то забыла: то ли выключить чайник, то ли заменить батарейку в дымовой сигнализации. Но потом вспоминаю: нет, ничего не забыла. Просто моя мама умерла.

В два часа ночи я все еще лежала без сна. Казалось, в ушах до сих пор отдается шум моря. Я познакомилась с Бланкой, когда Стелле было четыре года. Тогда я искала няню, которая могла бы забирать дочку после школы. Я как раз собиралась вернуться к работе на лайфстайл-портале под названием «Построй свою жизнь». Там я вела колонку «Советы Шарлотты»: рассказывала о том, как организовывать уютные посиделки и соблюдать правила этикета. А получилось это так: незадолго до моего тридцатилетия редактор сайта «Построй свою жизнь» наткнулся на мой блог «Хозяйка поневоле», где я писала о том, как принимать гостей без лишнего стресса, и предложил мне работу в Сан-Франциско. К счастью, когда мы переехали в Лондон, мне разрешили перейти на удаленку.

— Об этом и так всем давно известно, — сухо заметила моя мать, когда Пит уговорил ее почитать мою колонку.

— Американцы не мнят себя специалистами по этикету, — возразила я. Наши читатели были в основном из США.

— Ну еще бы, — отозвалась Эдит с неизменной язвительностью. Она была профессором, специализировалась на литературе XIX века и свой последний день на земле провела в полном одиночестве, за редактурой своей книги о болезни и женственности в романах Викторианской эпохи. Хотя Эдит считала мою работу пустой тратой времени, мне она нравилась. В моем понимании этикет — это не просто выбор подходящей вилки, а умение создавать вокруг себя пространство тепла и заботы